

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Теперь я знаю, как выглядят клоуны без грима: фирменная всклокоченная шевелюра "утро в курятнике", красный джемпер, усталый взгляд, загорающий, как бенгальский огонь, от удачной репризы... Но Полунин — это не просто имя основателя знаменитых "Лицедеев". Это образ жизни, включающий в себя кочевую жизнь по всему миру, Асияя, безумные проекты вроде фестиваля "Бабы-дуры", "Академии дураков" и уличные карнавалы. Среди последних идей, нон-стопом вспыхивающих в его голове, — грандиозная по размаху программа "Площадные театры мира, или Корабль дураков", которую он готовит на III Театральной олимпиаде в Москве.

— У вас всего 17 минут на интервью, — объявили мне его помощники, когда мы с Асияем встретились перед прямым эфиром на радио. Пришедшая вместе с ним спутница Лена — хрупкая женщина с восточной внешностью — оказалась женой лицедеев. Итак, время пошло...

— Простите, я не знаю, как к вам обращаться. Вообще бывает у лицедеев отчество?

— Нет, не бывает. Мне нравится западная манера — короткая и простая. Людям одно-то имя запомнить сложно, а тут еще отчество ковыряет языком: "уич", "вич". Поэтому, наоборот, я очень рад, что здесь меня называют просто Слава.

— Слава, все знают, что Полунин — человек мира, но никто не знает, где он живет. Вы сами-то знаете?

— Очень трудно ответить на этот вопрос. В принципе у меня всегда где-то есть место, где сложены мои чемоданы. ("Но я не всегда помню где", — добавляет жена.) Кстати, часто бывает, что одни чемоданы у меня лежат в Берлине, а другие еще где-то. И я раздумываю, как из того чемодана перевезти эти картины, а потом сделать так, чтобы другие побрякушки оказались здесь...

А вообще последние четыре года я живу в Лондоне, а сейчас мы нашли очень красивое место под Парижем — там есть старая мельница на реке — и хотим сделать себе там местечко для жизни и работы. Может быть, уже к лету переберемся.

— Такое непостоянство — из-за вашей привлекательности или это стиль жизни?

— Мне где хорошо, там я и живу. А зачем жить там, где плохо? И еще важно, где меня ждет интересная работа. Вот начал я работать с цирком "Дю Солей", полетел в Канаду, прожил там. Начались у меня гастроли в Америке, я переехал в Нью-Йорк. Были гастроли по Франции — 120 городов, и я прожил в Париже почти 2 года. Где-то с 1988 года я стал так много ездить и практически в России стал бывать днями. Кстати, я днями бываю и в том месте, где постоянно живу. Например, за прошлый год жизни в Лондоне я был дома максимум две недели — по 2—3 дня несколько раз.

— Откуда вы знаете рецепт, как делать шоу?

— Ну если сто раз стукнуться головой об один угол, то начинаешь этот угол обходить. Так и делается шоу. Это просто опыт, и все.

— Тогда вы, наверное, способны написать Большую энциклопедию трюков и шуток, на которые можно привлечь любую публику?

— Я никогда не ловлю публику. Я занимаюсь с ней с удовольствием тем, что мне нравится самому. Хотя есть такие профессионалы, как мои друзья Джанго или Лео, у которых это любимое развлечение. Марсель Марсо выдавал на публику один за другим очень красивые трюки. Я это не умею и не знаю, как это делается.

— У вас когда-нибудь случались провалы?

— Обязательно. Немного, но было. Время от времени раздаются шепчол по лбу: "Бум!" Говоришь сначала: "Не понял... А, понял, хорошо. Теперь направо".

— А вы всегда понимаете, откуда бьет?

— Иногда нет, а иногда понимаю. Помню, как-то выступал перед пожарными, и оказалось, что это очень сложно. То же с учителями. Сложно, когда целый зал — одной профессии, потому что у них определенные привычки и принцип отношения к не-которым вещам. Поэтому я стараюсь, чтобы у меня зал не был одинаковым и там были люди разных профессий и возрастов.

Как-то в Канаде на дневном спектакле мне сказали, что будут одни бабушки. Я заглянул в занавес и увидел сплошь серебряные головы. Ну, думаю, все, провал, потому что никогда перед таким залом не выступал и не знаю, как с ними общаться. Мандраж страшный. Ходил, ходил, и вдруг мне в голову пришла мысль. Я решил, что представлю себе, что там сидит моя бабушка. И все — мне стало спокойно и хорошо. Я понял, как надо все это рассказать для моей бабушки: стал работать более медленно, аккуратно, не так жестко, и это спасло меня. Если бы

Вячеслав ПОЛУНИН боялся выступать перед старушками

я не нашел этого решения, провал был бы неминуем, потому что выскочить к ним так же, как к обычной публике, нельзя.

— Как вы считаете, лицедеев — это мужская профессия? Женщины тяжелее работают?

— Раньше считалось так. Однако два дня назад мне как раз рассказали, что учиться клоунаде идет 99% женщин и лишь 1% мужчин. Самое смешное, что все женщины — одна к одной: талантливые и сумасшедшие! В лицедеевской работе нужны женщины с особым пониманием жизни. Те, которые неожиданно поступают. И таких сейчас появилось хоть пруд пруди — просто целая новая волна. Театры официальные, традиционные говорят обратное, что никто не хочет идти к ним. Но они хотят иметь в своей труппе исключительно красивых женщин, но как раз такие сейчас пошли в другие места.

В 1993-м мы делали фестиваль "Crazy women" — "Бабы-дуры", и сейчас, наверное, еще раз сделаем.

— Слава, а на "дуру" женщины ведь и обидеться могут...

— Мне ведь не обидно, что меня называют дураком. Обидно понтырщикам и тугоголовым, потому что человек, который не может с юмором относиться к себе, это человек с обрезанной головой. Юмор есть самое нежное и теплое чувство, которое человек имеет или придумал. В нем столько сердца, и если ты эту часть не можешь вложить в себя, то ты просто теряешь огромную часть мира, потому что через юмор столько приходит вещей и понимания их... Посмотри в любой компании — насколько тонкие и интересные отношения у людей, если они могут общаться на уровне юмора.

— Извините за такой вопрос, но по этой классификации все ваши женщины должны быть дураками?

В комнате раздается взрыв смеха. Громче всех хохочет понятно кто — сидящая у стены Лена.

— Да, причем я выбираю самых из самых. Выпью в связи с этим горем. (Со стола тянется чашка с чаем.)

— Как дураки ищут себе жен?

— Я конкурс проводил. Выбирал себе жену лет десять — примерно сто человек в год приходило в студию, а я делал вид, что выбираю артистов для театра. А на самом деле я тихонечко смотрел, нет ли среди них моей жены. Одна попала. Она со мной до сих пор, уже больше двадцати лет работает в спектаклях, и в то же время как директор, мама и так далее.

— Вас хватают на детей и на семью?

— А семья и дети с нами вместе ездят, и это замечательно, потому что так я более, чем кто-то другой, имею возможность общаться с ними. Конечно, здесь я в чем-то выиграл, в чем-то проиграл — ничего не бывает одновременно. Хочешь болтаться — что-то теряешь...

Монолог жены Лены на тему "Наш день":

— Сначала мы завтракаем. Обычно это происходит накануне, перед сном, потому что есть хочется до такой степени, что думать не можешь больше ни о чем. И главное, ты можешь себе это позволить, потому что уже все равно ничего не работает, даже язык. Единственное, что еще двигается, — это зубы. Так что у нас одностороннее питание. Времени на то, чтобы просто сидеть в театре, нет, и чаще мы выбираемся на культурное мероприятие во время гастролей. Времени сна зависит от времени года — зимой мы спим дольше. (Очередной всплеск общего хохота.) Самая ранняя пташка — младший сын Ваня, потому что ему надо в школу, до которой ехать час, и он сам встает без пятнадцати семь. Потом, как ни странно, встает Слава. Утро — самое хорошее время для работы, чтобы подумать над новыми проектами. Творческий процесс происходит или в кабинете, или в нашем запущенном саде, где растут полевые цветы и трава.

В доме каждый отвечает за то, за что берется сам, и вопрос: "Кто в семье главный?", никогда не стоит. Посуду чаще всего моет Ваня как самый молодой и самый голодный.

— Можно делать вывод, что семья ваша такая же ненормальная?

— Конечно, — снова вступает в разговор Слава. — Можно судить по нашим детям. В связи с тем, что мы их не воспитывали, они просто жили с нами и видели все, что с нами происходило. И они как наследники наших особенностей порой выдают такие пенки! Когда я отпустил бороду и жена сказала, что я похож на Карла Маркса, Ваня тут же подошел и сказал: "У братьев Маркс не было брата Карла"... Я много раз видел Ленку, истерически хохочущую и падающую на пол от действия одного из сыновей или выдачу какой-то фразы. Но в этом, наверное, больше сказывается ее влияние — я не очень могу оформить свои идеи литературно.

— Я все-таки хочу разобраться: сколько у вас детей, сколько им лет и как их зовут?

— Ой, на вопрос "сколько лет?" я всегда сбиваюсь, а вот сколько детей, еще помню (общий гомемерический хохот). Трое — Паша, Дима и Ваня. Годы примерно начиная от 14—15 лет и до 19 — в этих пределах.

— Они идут по вашим стопам?

— Частично. Они находятся в этом же пространстве, но у них порой бывают какие-то неожиданные завороты. То кто-то музыкой начнет заниматься, то с компьютерами возиться. Они ухитряются и в театре работать, и свои какие-то проекты делать.

— Слава, а кому больше нужны клоуны — взрослым или детям?

— Детям это не нужно — у них уже все есть. Любому ребенку уже внутри себя свобода, искренность, творчество, бесшабашность, глупость — все, что нужно в клоунаде. Мы с партнером можем выступить с любым ребенком на улице в любую секунду. Самая большая потребность в клоунаде у взрослого, потому что он под давлением обстоятельств — жизни, экономических условий и прочего — в конце концов загоняет себя в щель, ползет по-пластунски и делает вид, что это и есть жизнь. Получить удовольствие от открытого взгляда и удивления ему невозможно, потому что у него даже времени на это нет. Он еле-еле успевает забор залатать, чтобы коза из соседнего огорода не залезла и не поела его любимую гвоздику, которую он только что посадил. У него идет борьба за выживание, вместо того чтобы получать удовольствие от существования на этом свете. Но некоторые личности все же ухитряются жить иначе, за что я их очень люблю, и поэтому создал Академию дураков, чтобы таких туда затаскивать.

— Кто из известных лиц входит в Академию дураков?

— Все, кто сам себя туда зачислил. Академия дураков тем и прекрасна, что совершенно не знает системы регистрации и структур. Она свободна, как жизнь. Если человек внутри себя это чувствует и считает себя членом этой Академии, то — всегда пожалуйста. У нас есть кодекс, который мы тут же нарушаем в следующие 10 секунд, потому что правила тем и интересны, что их можно нарушать и играть с ними. Правила — это белый клоун. Белый клоун сказал: "Нельзя в эту дверь", желтый клоун сказал: "Замечательно, тогда мы полезем в эту окно". Но ведь нужно, чтобы кто-то сказал, что в эту дверь нельзя, иначе не будет игры.

— Вы какой клоун — белый или желтый?

— У меня неожиданное соотношение — я и тот и другой вместе, потому что по моей статистической жизни было очень мало периодов, когда у меня был партнер — белый клоун. Поэтому мне приходится переходить из одного состояния в другое... Желтый — он как бы соединяет рыжего и белого.

— Национальный менталитет публики мешает клоуну?

— Есть определенный национальный характер, с которым я не умею разговаривать. Приезжаешь иногда в какую-нибудь страну типа Бельгии. Ты крикнешь в зал: "А-а-а!", потом можно посидеть, кофе попить, подождать... Затем выходишь к ним, и из зала идет ответное понимающее "А-а-а...". Они просто очень спокойные и медленные. Это национальный характер. А у меня в программе постоянно какие-то неожиданности, странности, которые нужно быстро славить и реагировать на них. И если нет обратной связи, то работать просто невозможно. Когда теперь мне предлагают поехать туда или в Финляндию, я сразу вспоминаю свои мучения там...

— А российского зрителя тяжело раскошегарить?

— Нет, это самый легкий зритель, потому что, если правильно понимаешь его, он очень отзывчивый и любит полностью, всем сердцем. Если ты говоришь не бесполовые и не пустые вещи, а что-то важное, то от общения с русскими получаешь только удовольствие.

— Однако раньше вы ставили на первое место по эмоциям и заводу американцев...

— С ними общаться легко, но не такое удовольствие получаешь. Тебе достается лишь праздничный настрой — жалко, неглубокий, но праздничный.

— В России вы общаетесь со старыми "Лицедеев"? Вместе не хотите выступить?

— Попытки выступить мы делали, но это сложно, потому что людей сильно разбросало. Это я могу болтаться, где мне нравится, а для ребят это сложнее... Но мы перезваниваемся. Одни меня с праздниками поздравляют, какие-то новые идеи предлагают. Другие спрашивают, когда мы начнем новый проект в Лас-Вегасе.

— Какую очередную вершину вы сейчас покоряете?

— У меня много проектов. Один — телевизионный для Би-би-си. Может быть, уже в мае начнутся съемки. Еще я хочу открыть свой центр, где можно было бы делать новые проекты, фестивали, спектакли... Я пытался организовать его в Москве, но что-то там застряло, и поэтому на всякий случай параллельно я начал это же делать под Парижем.

— Ваш спектакль "Шоу снов", который вы привезете в Москву в июне, о чем?

— Во-первых, там нет слов. Это пространство, полное абсурда, нежности, поэзии, трагедии, — в общем, вмещающее весь мир. Трудно описать словами те вещи, которые визуальны и держатся только на атмосфере и магии. Поэтому я, наверное, и занимаюсь таким видом творчества, который неуловим словами. Я попробовал создать современный образ клоунады, как я его понимаю, — что такое клоун сегодня.

— Какая у вас возникает реакция, когда на улице вам кричат "Асияя"?

— Хочется голову втянуть. Потому что это всегда случается в тот момент, когда я нахожусь в каких-то своих мыслях. Чаще всего оклик вырывает меня из моего пространства, и ты озираешься и думаешь, что делать — бежать навстречу или за угол. Главное, быстро понять — ведь мало ли, что-то не так сделаешь или кого обидишь, или еще что... Но надо сказать, что люди достаточно аккуратны, и очень редко попадают такие, которые заставляют чувствовать неудобство положения.

— Откуда появился Асияя?

— А неизвестно, никто не знает. Его придумала публика. Во фразах, которые я произношу на сцене, часто попадалось это слово, и публика почему-то его подхватила и стала меня так называть.

— Как интернациональный клоун, на каких языках вы общаетесь?

— Я ленивый и языков знаю мало. Английский на уровне "дайте кофе" или "лучше я пойду". На французском я могу поговорить даже на тему "А что сегодня пишут в газетах?". Вот моя жена отлично знает французский и английский, и она — мой проводник во внешнем мире. Она сообщает мне сигналы из космоса (смеется) и отправляет их обратно. Свои спектакли я всегда делаю без слов, но не из-за проблем с языком — просто мне кажется, что этот язык более интересный и есть какие-то вещи в мире, которые на нем лучше выглядят.

— Вы — счастливый человек?

— Очень. То, что я считаю себя счастливым, — это мое самое хорошее качество. Хотя стать таким очень легко — просто надо быть им.

Полунин Вячеслав

26.05.01